

ЮНОСТЬ

8

1971

В. АКСЕНОВ

**РАССКАЗ
О БАСКЕТБОЛЬНОЙ
КОМАНДЕ,
ИГРАЮЩЕЙ В БАСКЕТБОЛ**

И будут наши помыслы чисты...

Б. АХМАДУЛИНА

Баскетболисты ленинградского «Спартака», так сильно встряхнувшие спортивную жизнь в Северной Пальмире, закончили прошедший сезон серией поражений. Удивительная команда Владимира Кондрашина, лидировавшая всю осень и всю зиму, весной совершила турне по неудачам (Москва — Ленинград — Милан — Тбилиси) и в результате НЕ выиграла Кубок европейских кубков и НЕ стала чемпионом Советского Союза, хотя была, как никогда, близка к этим триумфам.

Весна для каждого молодого ленинградца — время смутное и лихорадочное. Обилие бронзовых скульптур, ночные перешептывания кариатид с атлантами, борьба ладожских и балтийских струй волнуют пилтера, вносят диссонанс в мелодичную игру нервной системы. «Спартак» — типичный молодой ленинградец и не является исключением.

Итак, мы с ходу оправдали неудачи нашего фаворита и теперь с чистой душой отправимся за ним в путешествие. Куда поехать: в Москву, в Милан, в Тбилиси? В Москве мы живем, так что ехать в нее довольно глупо. В Милане нам делать нечего. Отправимся-ка в Тбилиси: лишний раз перепрыгнуть через Кавказский хребет никому не вредно.

В Ленинградском аэропорту баскетболисты развлекались свиными шашлыками на деревянных палочках. Мясо-молочная фирма «Симменталь», вырастившая в своем лоне нынешнего обладателя Кубка кубков, не очень-то в Милане баловала своих молодых гостей мясом, и потому сейчас в эти быстрые минуты перед новой разлукой с родным городом особенно приятно было взять поджюжины горяченьких, попросить стакан чаю и на последних глотках с немалым удивлением обнаружить, что пьешь не чай, а кофе.

Кондрашин рассказывал друзьям о миланском матче:

— Судьи не давали нам центр поля перейти, сразу прихватывали, испанец, так тот свистел, как соловей, все сорок минут без остановки. Чуть что — «три секунды», «пробежка», «двойное ведение»... Сорок шесть фолов моим ягням навистел, а тем, быкам симментальским, всего шестнадцать. Сане Белову локтем три раза в физиономию заехали совершенно намеренно.

— Что касается «тиффоэи», то пусть их температурой восхищаются журналисты. За нашей скамейкой сидело пятеро типов с такими длинными дуками вроде гуцульских, знаете ли, и дули нам прямо в уши. Я кричу «тайм-аут», а меня и не слышно.

— Конечно, оправдываться нечего, не имеем мы права проигрывать такой команде, как «Симменталь», ни на своем, ни на чужом поле, у нас как-никак другой класс. По идее мы должны у них выигрывать девять матчей из десяти. Международного опыта мало у ребят, вот что плохо. Чувствуют себя за границей бедными родственниками, эдакими маминими ванюшами, а надо приезжать как асы, знать себе цену. У армейцев надо в этом отношении учиться. Серега Белов в любом Чикаго свою игру

сыграет: и защиту растерзает и на судью рывкнет, если надо. Больше надо ездить клубом в загранку...

Друзья Кондрашина сочувственно кивали, а один друг, фамилии которого тренер не знал да и в лицо его что-то плохо помнил, спросил:

— А где же, Володя, в это время был Джонс, председатель баскетбольного союза?

— А что Джонс?! Сидит себе с сигарой! — запальчиво воскликнул Кондрашин и тут же изобразил Джонса с сигарой, кстати, очень похоже.

— ЦСКА молодцы, выиграли у «Иньеса», очень я за них рад. — Кондрашин задумался, позабыл о друзьях, взгляд его ушел уже в сторону Тбилиси. — Молодцы, молодцы... — пробормотал он и пошел к своим мальчикам, помахивая авоськой, где в круглой металлической коробке лежал фильм о последней игре с этими армейскими молодцами.

Все складывалось неудачно в тот день. У Сани с утра опять спина разболелась, у Юры ангина. Из номера вышел перед отъездом на игру — навстречу уборщица идет с ведром. Заглянул в ведро, может, хоть тряпка на дне, нет ничего, пустое ведрышко. Так и отдали семь очков, спокойно, размеренно проиграла последний матч турнира, дали себя догнать, и вот теперь — пожалуйста, изволь ехать в Тбилиси на нейтральное поле. Впрочем, что уж там — армейцы, конечно, сильнее, у них три игрока сборной и столько же кандидатов. Сильнее они нас, ничего не поделаешь, но... Но...

Наконец объявлена была посадка. Тренкнул на прощание Пулковский меридиан. Баскетболисты крахтя расаживались в ТУ-104. Ох, намозолили им бока самолетные кресла! Студенты-корабелы Арзамасов (190—20)¹, Белов (200—19), Большаков (0—25)², Кривошечков (191—23), Макеев (196—19) и Штукин (195—26) взялись за учебники по кораблестроению, ЛИАПовец Волчков (191—25) изучал, разумеется, авиационное приборостроение, Лесгафтов Иван (204—27) читал труды Лесгафта, Рожин (201—21), студент-педагог, штудировал Песталоцци, Федоров (192—23) из Института связи размышлял над вопросами связи, а дипломник Военно-механического института Юмашев (198—25) от нечего делать читал стихи:

Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна...

Между тем докучливый корреспондент присел на подлокотник кресла Владимира Кондрашина.

— Владимир Петрович, если не секрет, где вы нашли своих питомцев?

Кондрашин скорчился от слова «питомцы», как от кислого огурца.

— В кафе-мороженое, — ответил он. — Вошел однажды в «лягушатник» на Невском, смотрю — сидят одиннадцать рослых детей. Вот, подумал я, отличнейшая баскетбольная команда.

¹ Здесь и далее: первая цифра в скобках — рост игрока, вторая — возраст.

² Странность этих цифр объясняется вот как. Докучливый корреспондент спросил однажды у Юмашева (198—25), каков рост Большакова. Тот добродушно рассмеялся:

— Зайчик — это мотор нашей команды, но роста у него нет никакого.

Корреспондент прикинул: «Зайчик» был выше его самого на полголовы. Эге, подумал докучливый корреспондент и ушел.

«Давняя дружба связывает тренера Кондрашина с его питомцами», — одним росчерком пера записал докучливый корреспондент.

Хороший самолет неизменно убаюкивает пассажиров, и вскоре ужасные учебники легли на высоко задранные колени, и спартаковцы привычно задремали в позах, напоминающих положение эмбриона. Один лишь Юмашев продолжал с полусне шептать:

Не стану я жалеть о розах,
увядших с легкой весной...

А внизу уже проплывал проткнувший свое старое ватное одеяло древний без кавычек Кавказ...

В Тбилиси были вечером. Защищенная от полярного ветра страна уже активно сквозь бензин благоухала цветущим миндалем. В аэропорту команду встретил прилетевший накануне второй тренер, Виктор Харитонов. Любители баскетбола, конечно, помнят это имя в списках сборной Союза незначительной давности...

— А вы уже загорели, Виктор Николаевич, — сказали спартаковцы.

— Запылился, — с загадочной улыбкой поправил Харитонов.

Портик гостиницы «Рустави», что на проспекте Плеханова, подпирали два изогнутых в престраннейших позах и выкрашенных в зеленую краску атланта. Баскетболисты почему-то не обратили на них никакого внимания. Зато внутри многое нас удивило.

Когда-то на закате прошлого века отель был наречен «Европой». Многие здесь говорят о прошлом. Например, на одной из дверей сохранилась надпись Lift. Это свидетельствует о том, что в былые времена гостиница не гнушалась и иностранными гостями.

Нигде нет более (а мы объездили с баскетболом добрый десяток стран), нигде нет более взволнованного водопровода и более нервной телефонной связи, чем в «Рустави». А как приятно по утрам собираться всем этажом в умывальной комнате, или в ревущем Туалет, или, заплатив тридцать копеек, дожидаться очереди в однососковую душевую.

Когда мы подъехали к «Рустави», от нее как раз отшвартовывался военный автобус: команда ЦСКА с дружной песней направлялась в гарнизонный Дом офицеров на прием пищи. Армейцы помахали нам, мы — им. Никакого злого антагонизма между спортсменами двух команд, конечно же, не существует, а, наоборот, существует коллегиальное взаимопонимание и уважение. Взгляды, которыми обменялись игроки при этой бытовой встрече, ничего общего не имели с прессингом, заслонами и финтами, обыкновенные приветливые взгляды. Лишь два взгляда могли со стороны напомнить спортивный прыжок. Армеец Андреев (217 — 25) с робким оленьим движением шеи бросил трепетный и загадочно-смущенный взгляд на спартаковца Белова (200 — 19), а Александр проводил своего оппонента внимательным и не по возрасту тяжеловатым взглядом из-под не по-детски нависших бровей¹.

В гостинице и в близлежащих кварталах отчаянно кричали телевизоры. Истекали последние минуты футбольного матча ЦСКА — «Динамо» (Тбилиси). Грузины проигрывали.

— Болельщик, ребята, наш, — весело сказал Кондрашин и ласково потрепал по вихрам Ваню Рожина (201 — 21), юношу с лицом Алеши Карамазова и фигурой петергофского Самсона.

И впрямь, через полчаса, когда мы уже благоденствовали за шашлыками, к нам со всех сторон обращались и официанты, и повара, и студенчество, и специалисты грузинской столицы:

— Ленинградцы, вы выиграете у ЦСКА?!

— «Спартак», за вашу победу!

— Гагмарджос, «Спартак», гагмарджос!

Докучливый корреспондент подсел к нам, когда мы уже пересчитывали под столом денежки.

— Настроились на победу, ребята? — бодрым голосом спросил он.

— Извините, мы на шашлыки настроились. В Италии сильно оголодали, — ответили мы.

— Кацо! — закричали мы на кухню. — Еще по два свиных и по одному бараньему!

— Блокадники, — сквозь слезы глядел на нас официант Махмуд, совсем уже сбившийся со счета годов.

Всего получалось по пять шашлыков на персону и по одному табака. «Настроение в команде перед решающей схваткой по-настоящему боевое» — одним махом записал докучливый корреспондент и, подумав, приписал в скобках, про запас: — «По-хорошему злое».

А за окном по проспекту Плеханова уже прогуливались «вооруженные силы»: Капранов и Кульков, Гильгнер и Едешко, Иллюк и Ковыркин, и Андреев, этот аист, приносящий счастье, и гибкий туркестанский змий Жармухамедов, и некто по имени Сергей Белов (однофамилец нашего фаворита), скромный молодой человек, невысокий (192) с лицом цвета слоновой кости, с необъяснимо печальным и смирным взглядом.

О боги греческие и римские, невские и коми-пермяцкие! Что делает этот скромняга на площадке! Он нападает на кольцо с фанатически горящим лицом, словно террорист на великого князя Сергея Александровича. Чем труднее матч, тем лучше он играет и всякий раз, попадая в цель, торжествующе потрясает кулаками.

Опасные эти люди мирно ходили два дня мимо нас и мирно раскланивались. Казались ли им мы, спартаковцы, столь же опасными людьми? Вряд ли. Они были уверены в победе и не без оснований: они были сильнее нас. И все-таки зря они нас не боялись, все-таки зря: они не учитывали одной важной штуки — того, что мы очень любим играть в баскетбол.

На следующий день «Спартак» отправился гулять по проспекту Руставели, по горе Давида, пил газированную воду «Лагидзе», хрустел молодой редиской, закупал для мам и невест хозяйственные сумки, которыми столь богат город на Куре и так беден

¹ Здесь таится довольно серьезный баскетбольный подтекст, и мы в интересах массового читателя немедленно его вскрыем. Дело в том, что Андреев — супергигант, а Белов — гигант обыкновенный. «Саяна», по мнению специалистов, — идеальный современный баскетболист: двухметровик атлетического сложения, он обладает замечательным гриблингом, острой реакцией, ну а прыжки!.. Сверхвысокие

прыжки Белова позволяют ему почти полностью нейтрализовать феномена Андреева. Однако палка о двух концах: андреевские хлопоты мешают Белову атаковать щит армейцев. Занятые друг другом, эти два игрока вихрем несутся по площадке, давая возможность остальным восьми играть в баскетбол. Наверное, они злятся друг на друга: ведь попасть в кольцо каждому хочется.

город на Неве, смотрел кинокартину «Песни моря», сделанную усилиями двух стран...

— Очень подходящая для сегодняшнего дня кинокартина, — сказал Кондрашин. — Боже упаси перед игрой смотреть какую-нибудь хорошую картину. «Песни моря» — настоящая предстартовая картина.

— А стихи можно читать, Владимир Петрович? — спросил Юмашев.

— Со стихами как раз наоборот, — ответил тренер. — Если хорошее, Толя, хотите прочитать, то читайте, сделайте одолжение.

Юмашев тут же прочел знаменитое:

Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарий чудный звон...

— «Большое место в предстартовой подготовке команды занимают культурно-воспитательные мероприятия» — одним-единственным, но длительным крошечком записал докучливый корреспондент.

Вечером Кондрашин пригласил своих «бойцов» на тренировку. Огромный тбилисский Дворец спорта был пуст, тихие голоса летели под купол и бились там, словно заблудившиеся орлы, и лишь след ступни 54-го калибра говорил о том, что час назад Дворец покинули армейцы.

О Баскетбол проклятый, Ваше сиятельство Баскетбол! О как ты уже надоел твоим высокорослым подданным! Кажется, после какого-нибудь турнира, что год бы не взял мяча в руки, но проходит день-два — и пальцы начинают скучать. Потом начинают скучать локти, плечи, икроножные мышцы и квадрицепсы, и вскоре все тело игрока охватывает неудержимая страсть к Баскетболу.

Утоляя эту жажду, ты высоко подпрыгиваешь и, не опускаясь, бросаешь мяч в корзину, и когда из жадной твоей руки мяч, не касаясь ободка, пролетит через сетку, вот тогда ты почувствуешь удовлетворение. Но этого мало, и так нужно попасть сто, тысячу раз... Сколько раз нужно испытать эту мгновенную физиологическую радость, чтобы пресытиться Баскетболом?

Кондрашин встал под кольцом, а Харитонов на линии аута. Между ними спиной к щиту разместился Белов. Вплотную его прикрывал самый высокорослый спартаковец Иванов. Харитонов бросил мяч Белову, тот подпрыгнул и повернулся в воздухе. Вместе с ним подпрыгнул и Иванов. Мяч над руками Иванова полетел в кольцо. Кондрашин подобрал его и отправил назад, к Харитонову. Все повторилось.

Так было сделано двадцать раз. Восемь раз Белов попал. Три или четыре раза мяч перехватил Иванов. Лицо Белова иногда передергивалось от боли.

— Нет, не капризничает, опять спина болит, — подумал тренер. — Восемь из двадцати: плохо дело...

Через четверть часа, когда настил содрогался от топота и стука мячей и когда тренировочный пыл достиг высшего накала, Белов был отправлен на массаж. «Вот уеду в деревню, и все, — думал он, печально шмыгая носом, — уеду в деревню молоко пить...»

А мы забыли про армейцев и про золотые медали и два часа играли в баскетбол за милую душу.

Последняя ночь перед матчем. Урчат, воют, жалобно стонут водопроводные трубы в бывшей «Европе». Дребезжат во всех номерах телефоны: некто, таинственный в ночи, разыскивает какого-то Гурاما Накашидзе. «Спартак» спит и видит вперемежку то золотые, то серебряные сны. ЦСКА видит только золотые сны: такова установка командования

и тренера Гомельского. Толя Юмашев бормочет сквозь сон:

Судьба, как ракета, летит по параболе.
Обычно — во мраке, и реже — по радуге...
...Куда ж я уехал! И черт меня нес
Меж грузных тбилисских двусмысленных звезд!

Кондрашин, закинув руки за голову, смотрит на эти звезды и думает о своей команде, об этих мальчишках, которых он еще совсем недавно тренировал в детской секции, о равномерном движении вверх: 68-й год — четвертое место на Всесоюзном турнире, 69-й — бронза, 70-й — серебро, и вот завтра... завтра... Шагнем ли на последнюю ступеньку? Лучше заранее приучить себя к серебру. ЦСКА сильнее. Кто же спорит, они сильнее, но... Но мы, черт возьми, очень любим играть в баскетбол!

День великой сечи выдался дождливым. Тяжелые тучи висели над Мтацминдой. Спартаковцы хмуро позавтракали и поехали на трамвае в школу кино-механиков смотреть фильм, который привезли с собой в авоське.

Фильм был узкоплечный, любительский, снятый непонятно на какой скорости. Никто себя не узнавал: по крохотному экрану металась суетливые человечки двадцатых годов.

— Только Чарли Чаплина здесь не хватает, — пошутил Кондрашин. Немного посмеялись, но вскоре настроение опять упало. Желтая Кура уносила к морю непрерывно падающие с небес капли, и это были, конечно, слезы ленинградских любителей баскетбола.

ОНИ СИЛЬНЕЕ НАС. ОНИ НАС СИЛЬНЕЕ. НАС ОНИ СИЛЬНЕЕ. НАС СИЛЬНЕЕ ОНИ.

На установочном собрании тоже было пасмурно. — Саня атаковать не будет, — сказал тренер. — Ты сейчас мало тренируешься, броски у тебя не идут. Попробуем сыграть без тебя.

По дороге из номера к автобусу все сошло благополучно: ни тетка не повстречалась с пустым ведром, ни кошка дорогу не перебежала, но в автобусе выяснилось, что один игрок (страшно даже фамилию называть) забыл кеды!

Пока он, стуча зубами, бегал в номер и обратно, в автобусе все перекрестили пальцы. Впрочем, чего уж там бояться примет — ОНИ ВСЕ РАВНО НАС СИЛЬНЕЕ.

Пока шла разминка, Дворец спорта с медлительной жадностью всасывал в себя толпы болельщиков. Как ни в чем не бывало играла музыка, «Реро» и Том Джонс... «Зеленые поля», «Диалейла», «Чужак в ночи»... Спартаковцы один за другим после бросков тянулись в очередь на следующую атаку и невольно смотрели на другую половину площадки, где стремительно, точно, деловито разминались армейцы.

А ОНИ НА НАС ДАЖЕ ВНИМАНИЯ НЕ ОБРАЩАЛИ.

Разминка ЦСКА напоминала работу не очень сложного, но идеально отлаженного механизма. Команда эта, как всегда, вызывала восхищение, но немного и раздражала своей очевидной непобедимостью.

Началось. Белов, конечно, в центре поля перепрыгнул Андреева, но все-таки с первых же минут стало ясно: игра у «Спартак» не заладилась. Совсем не пошли броски у капитана команды Иванова. Не клеилось у Юмашева. С искаженным от боли лицом упал на скамейку Большаков — подвернул ступню. Заморозка не помогла, так он и не вышел на площадку. Бледный до синевы А. Белов выполнял уста-

новку тренера, добросовестно трудился в защите, в атаки не ходил.

А ЦСКА между тем спокойно, размеренно набирает очки, как и в том, предыдущем матче. Один за другим попадали в цель Кульков и Капранов, С. Белов и Жар. Фатальный разрыв в семь очков, то сжимаясь, то увеличиваясь, все-таки сохранялся.

Должно быть, они сильнее нас как раз на эти семь очков, а может быть, и на все десять. Мы были заторможены, загипнотизированы этой мыслью, и лишь один только Юра Штукин знает ничего не желал. Он атаковал издали и на проходах, дрался под щитом и попадал, попадал один за всех.

Спартакотцы ушли на перерыв, повесив головы. Зловещие семь очков лежали на плечах, как портик Эрмитажа на атлантах. Кондрашин, закусив губу и руки заложив в карманы, последовал за ними в раздевалку.

— Вот позорище-то, — негромко, но вполне внятно заговорил он. — Тоже мне претенденты в чемпионы! Публики бы постыдились! Леня, проснись! Проснитесь, ребята! Перестань жевать, Ваня! Ну-ка выплюнь резинку! Тоже мне Алсиндор! Валера, мяч поймать можешь? Хотя бы мяч поймать?

Харитонов почесывал затылок: теперь он их так запугает, что они совсем играть не смогут. Однако Кондрашин-то знал свое дело. Обычно мягкий, добродушно-ироничный со своими «питомцами», он сейчас разорвался не зря. Он понял, что должен взбесить своих заранее смирившихся с поражением «бойцов», впрыснуть им под кожу мощный психологический допинг, напомнить им, черт возьми, что они были первыми всю осень и всю зиму и что они очень любят играть в баскетбол.

В начале второго тайма вдруг несколько раз попал Иванов. Обычно блуждающая на его мягком лице улыбка, не менее загадочная, чем улыбка Джорджов, теперь пропала, лицо ожесточенно заострилось. Кондрашин выпустил молодого Арзамаскова. Тот мгновенно поразил кольцо с большого расстояния и стремительно удалился. Кондрашин бросил в бой Волчкова. Евгений вдруг заработал с бешеной энергией, стремясь заменить одновременно и Большакова и Белова. Не унимался Штукин.

Разрыв сокращался. Он сжался вдруг до трех очков, потом до одного... потом... Потом вдруг ЦСКА занервничал.

ОНИ СТАЛИ НА НАС СМОТРЕТЬ!

Надорванным голосом кричал что-то Кульков, а у самого-то было уже четыре фолла. С четырьмя фоллами играл Жар. Покинул уже площадку «камикадзе» Ковыркин.

Игра закачалась на тонкой спице. Началась эта зыбкая, характерная для сильного настоящего баскетбола выматывающая нервы качка. И вдруг за три минуты до конца весь стадион и все игроки поняли, что «СПАРТАК» ВЫИГРЫВАЕТ, все в это поверили, и главное — в это поверил мяч.

Баскетбол, разумеется, — это только игра, но в биологическом смысле это, конечно, грандиозная битва, в которой сражаются друг с другом полчища нервных клеток. Бешеный спурт ленинградцев был подобен атаке самых глубоких резервов, последних резервов вроде наполеоновской «старой гвардии», но можно, если угодно, назвать его «вдохновенным порывом».

И в тот миг, когда мяч поверил в победу «Спартак», весь стадион вскочил на ноги, ибо приближалось чудо, а чудо всегда любезно человеческому сердцу.

Невероятными усилиями армейцам удалось вновь

оторваться на одно очко. Плясали, убегая в спортивную историю, электрические секунды. Кондрашин пытался перекричать длинный вопль трибун:

— Играйте на Белова! Саня, теперь в атаку!

За восемь секунд до конца Юрий Штукин попал в кольцо и сделал свою команду чемпионом Советского Союза. Восхождение завершилось!

МЫ ЧЕМПИОНЫ!

Армейцы выбросили мяч из-за лицевой, уже потеряв свои столь привычные почти внутриведомственные титулы. Восемь секунд, 7, 6, 5, 4, 3... Затем на глазах десяти тысячной толпы капитан армейцев Сергей Белов поднялся в воздух.

Это было в углу площадки, под самым табло, на котором в это время 58-ю секунду уже сменяла 59-я. Сколько времени нужно мячу, чтобы с угла площадки описать идеальную траекторию и упасть прямо в кольцо, не задевая ободка? Читатель должен знать, что для этого страшного действия ему нужно меньше одной секунды. Впрочем, по современным правилам, если уж мяч полетел, он может лететь сколько угодно времени. Он и летел, кажется, год.

...Рухнули ничком на площадку Саня Белов и Жень Волчков. Взыла сирена.

Итак, Сергей Белов, совершив свой последний в сезоне бросок, убил нового чемпиона. Поплодиру-ем этому гениальному баскетболисту!

В команде ЦСКА собраны действительно великолепные игроки, и Сергей Белов первый среди них. Замечательная команда, но... знаете ли... некоторым любителям баскетбола все-таки больше нравится «Спартак», в котором собраны не столь великолепные игроки. Что же тут кроется и почему на наших глазах едва не произошло чудо? ЦСКА — это совершенное творение, созданное для победы, для накопления славы. Для победы в данном случае по баскетболу. Делают они свое дело хорошо — побеждают уже десять или сколько там лет подряд.

«Спартак» — несовершенное творение, созданное для игры в баскетбол. Мы хотим, чтобы он выиграл, и он выиграет, а потом, наверное, проиграет, чтобы следующий раз снова выиграть, а может быть, и наоборот — позорно «продуть»... Пусть он играет за милую душу в свой человеческий, полный надежд и горечи баскетбол.

Кроме того, ни у кого не вызывает сомнений, что когда-нибудь спартаковские «корабли» построят какой-нибудь замечательный корабль, а инженеры оснастят его приборами, а педагоги поднимут флаг адмирала Кондрашина и будут учить на палубе детей баскетболу, астрономии и хорошим манерам.

Цена 40 коп.

Индекс
71120